

Начало, как всегда, было обнадеживающим и многообещающим, Гласность, демократизация, плюрализм мнений — это ли не то, чего нам так не хватало в нашей прежней, сплошь регламентированной жизни? А теперь даже народные избранники, выступая в Верховном Совете, не всегда соблюдают регламент. Чего требовать от остальных? Но это же хорошо, если нет жесткого регламента: человек обрел свободу, а свободный человек должен быть счастливым. Эта точка зрения типично наша, отечественная: ведь мы ж не «хлебом единым» (потому что хлеб — единственный недефицитный пока товар), нам свобода духовная нужна, а остальное приложится, не привыкать.

А как загорелись тогда, вначале, глаза и сердца людей театра! Да и могло ли быть иначе? Ведь «театр — кафедра, с которой можно сказать людям добра» (по Гоголю)! И если даже в незапамятные «застойные» годы театр был чуть ли не единственной «отдушиной», то как же должно расширяться его воздействие теперь, когда...

Аппетит приходит во время еды, а еды оказалось вдоволь. Знаменитая театральная реплика «Кушать подано!» открыла широкие перспективы и обнаружила непреходящую самоценность. Кушать подано, товарищи! Приятного аппетита! Как оказалось, последнее замечание — не простая вежливая формальность или формальная вежливость, — оно по-своему глубоко и мудро. Когда еда в обилии и аппетит хорош, это всегда приятно. Но когда уже сыт по горло, а аппетит — от долгого воздержания — все еще есть, это чувство, приятное не совсем. И видит око, да зуб неймет. А потом «насыщается» и око. И тогда приходит апатия. А кушанья все подаются и подаются. И встать из-за стола нельзя. Если кушать подано — надо кушать.

Театральная жизнь столицы продвигается своим чередом. Ее нельзя упрекнуть ни в чрезмерной удачливости, ни в отсутствии оной. Умеренные отзывы критики перемежаются с восторженными и уничтожающими. Публика, как обычно, получает причитающуюся ей долю положительных и отрицательных театральных эмоций. Жизнь многих актеров стала материально благополучнее и существенно обогатилась загранично-гастрольными впечатлениями. Число театров бесконечно возросло, и сводная афиша утра-

тила способность вмещать в себя репертуар всех существующих в Москве театральных коллективов...

Раньше, в тяжкие времена застоя, было такое понятие: «театральный бум». БУМ, БАМ, ГУМ, ГАМ — все смешалось в доме Облонских. «Водоразделом» стала улица Горького, в районе Пушкинской площади. С одной стороны, у бывшего здания «Московских новостей» — тусующая толпа, шумно переваривающая последние политические события; с другой — строгая, полная молчаливого достоинства бесчисленная очередь за американским бу-

роиней «Романа...» — Тamarой Полазковой — в пионерлагере с такими же, как и она, пионерожатыми, у М. Розовского выливается в огромную, переполненную сальнотями сцену «кощения» Тамарки с пионерами. Перечислять подобные режиссерские «издержки» нет необходимости — в спектакле их много, они очевидны, и к финалу представляешь этому удивляться. Удивляет другое — восторженный зал и бурные аплодисменты, чуть ли не переходящие в овацию. Публика аплодирует, а это главное. И неважно, чему аплодирует, — искус-

ду, «Беспольное искусство» имевшая также, и это чуть ли не единственное, что оставляет повод для надежды. «Беспольное искусство» — это виртуозная игра О. Борисова в «Павле I» (ЦАТСа, реж. А. Хейфец); это ярков представлен «Гуд бай, Америка!» в МТЮЗе, созданное Г. Яновской и одаренной молодежью театра; это театр-кабаре «Летучая мышь» (руководитель Г. Гурвич), имеющий «капустническую» направленность и работающий в жанре политической сатиры (тоже нынче беспольной); это экспериментальные спектакли Москов-

АПАТИЯ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ СЕРДИТОГО КРИТИКА

тербродом фирмы «Макдональдс». Вот мизансцена, заслуживающая внимания; она и жизненна, и гротескна, и конкретна, и метафорична.

Что ж, это нормально: каждому времени — свой театр. Если вся страна с неподдельным сопереживанием на протяжении нескончаемого времени следит за острой драматургией депутатских дискуссий, где — по идее — все происходит по-настоящему и всерьез, то нелепо, ждать такого же эффекта единения зала со сценой и в театре, где и актеры, и зрители знают наверняка, что являются всего-навсего участниками игры, максимум пользы от которой заключается в поднятии собственного настроения.

К такой ситуации каждый приспосабливается по-своему. Можно позавидовать, например, тому, как удается это сделать театру-студии «У Никитских ворот» под руководством М. Розовского. «Роман о девочках» — спектакль, поставленный Розовским по своей инсценировке одноименной прозы Высоцкого. Написанный Высоцким неприятно и легко, без смакования, так сказать, «низких» подробностей, «Роман...» в театре «У Никитских ворот» превращается в нечто громоздкое, претенциозное и почему-то очень пошрое. Так, мимолетный рассказ о первых и вполне невинных вечерах, проведенных ге-

ву театра или имени Высоцкого, чей «Роман...» она, может быть, даже и не читала.

Удовлетворять запросы публики можно, впрочем, по-разному. Нашумевший в прошлом сезоне ленинградский «Мудрец» в постановке М. Захарова вряд ли является произведением высокого искусства — ошломком очевиден в нем расчет на потребительские настроения зрителя. В спектакле есть «политика», есть голое тело — иначе говоря, все, что нужно сегодня обывателю. Но в отличие от спектакля Розовского «Мудрец» — это вырочко-класная режиссура, впечатляющая сценария и великолепная актерская игра.

Признанные режиссеры, имеющие стабильные репутации, предпочитают сегодня лучше не рисковать, но делать то, что примется публикой наверняка. Тем более что сейчас сцена попадает во все большую зависимость от коммерции: оказывается влияние идеологии кооперативов. Искусство начинает зарабатывать деньги, то есть приносит весьма ощутимую пользу его творцам. С одной стороны (для творца), это хорошо, с другой — можно вспомнить слова О. Уайльда о том, что «всякое искусство совершенно бесполезно».

Я не утверждаю, что все, существующее в нашем нынешнем театре ориентировано только на выго-

окого молодежного театра на Красной Пресне Ю. Погребничко и «Творческих мастерских» СТА РСФСР (режиссеры — Клим, В. Космачевский, младший А. Пономарев, М. Мокеев, Саша Тихий). «Беспольное искусство» — это искусство, которое не приспособлено ни к коммерции, ни к политике, ни к публике.

Разделение искусства на «полезное» и «беспольное», конечно, очень условно, крайне субъективно и, может быть, даже излишне и бесполезно. Важно то, что театральные события утратили статус, приличествующий действительно СОБЫТИЮ.

Время, в котором живут, не выбирают. Имея в виду развитие сценического искусства, можно лишь постоновать на то, что нынешнее время не слишком для театра благоприятное. Лидерство политики беспорно во всех областях нашей сегодняшней жизни. С политикой, решающей конкретные насущные вопросы, которых накопилось невпропорот, искусство соперничать не может. Да и не должно. Но очень хочется, чтобы поскорее наступило время, когда искусство в целом, и театральное в частности, из вторичного продукта превратится в первичный. И во время еды вместо апатии придет наконец аппетит.

Юрий АПТЕР.